

Киселева И. А. Реконструкция творческой истории стихотворения М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841) как путь постижения смысла текста / И. А. Киселева, К. А. Поташова, Е. А. Сеченых // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 265—282. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-265-282.

Kiselyova, I. A., Potashova, K. A., Sechenych, E. A. (2020). Reconstruction of Creative History of Poem by M. Yu. Lermontov “They Loved Each Other for so Long and Dearly...” (1841) as a Way of Understanding the Meaning of Text. *Nauchnyi dialog*, 6: 265-282. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-265-282. (In Russ.).

УДК 821.161.1Лермонтов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-265-282

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ОНИ ЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА ТАК ДОЛГО И НЕЖНО...» (1841) КАК ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ СМЫСЛА ТЕКСТА¹

© Киселева Ирина Александровна (2020), orcid.org/0000-0002-9629-0035, ResearcherID V-4311-2019, SPIN 5673-5102, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Москва, Россия), ia.kiseleva@mgou.ru.

© Поташова Ксения Алексеевна (2020), orcid.org/0000-0002-0164-0371, ResearcherID Y-9252-2018, SPIN 7997-0089, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Москва, Россия), kseniaslovo@yandex.ru.

© Сеченых Екатерина Александровна (2020), orcid.org/0000-0003-0538-8422, SPIN 2179-2517, учитель истории и обществоведения, Муниципальное образовательное учреждение средней общеобразовательной школы № 14 (Сергиев Посад, Россия), ek9099227855@yandex.ru.

Анализируется динамическая поэтика — от черновика к беловику — стихотворения М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841), являющегося вольным переводом стихотворения Г. Гейне. На основе сопоставления транскрипции беловика и двух черновых рукописей стихотворения, а также источника — немецкого текста — реконструируется творческий процесс Лермонтова, его работа над выбором точного слова и созданием цельного художественного образа. В статье обозначены причины и механизмы текстовых исправлений Лермонтова, которые помогают понять движение

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00122 «Текстологическое исследование и комментирование автографов М. Ю. Лермонтова из “Записной книжки В. Ф. Одоевского”».

авторской мысли. Процесс работы Лермонтова над текстом связан с эмоциональным насыщением «скелетной части» немецкого источника. С опорой на текстологический анализ рукописей стихотворения Лермонтова из «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским» прослеживается смысловая трансформация источника стихотворения, раскрывается процесс усиления трагизма текста, достигнутого посредством его разомкнутости в вечность. Актуальность поставленной проблемы видится в необходимости уточнения своеобразия художественной образности лермонтовского стихотворения, выявления причин, обуславливающих силу его эстетического воздействия на читателя, а также онтологического смысла текста. Смысловая очевидность текста открывается в необходимости прямых отношений «здесь и сейчас», в понимании вечной жизни как продолжения земной. Новизна исследования имеет фактический (впервые максимально подробно представлен творческий процесс создания стихотворения) и интерпретационный характер, связанный с уточнением мировоззрения Лермонтова.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; «Записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским»; Г. Гейне; беловик; черновик; творческая лаборатория.

1. Введение

Беловик и черновики стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...», представляющего собой вольный перевод стихотворения Г. Гейне «*Sie liebten sich beide, doch keiner...*» (1827) из сборника «*Buch der Lieder*» («Книги песен»), написаны летом 1841 года М. Ю. Лермонтовым в «Записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским». Впервые текст был опубликован А. А. Краевским в журнале «Отечественные записки» за 1843 год (том XXXI, № 12, отд. I, с. 317) еще до получения во владение лермонтовской тетради, список стихотворения дошел до издателя в феврале 1843 года от В. П. Боткина. Начиная с первой публикации произведения (не с автографа, а с копии) сложилась традиция печатать текст в редакторской правке. С редакторской пунктуацией стихотворение «Они любили друг друга так долго и нежно...» было опубликовано в собрании сочинений поэта 1910—1913 гг. (под ред. Д. И. Абрамовича). С. Н. Дурылин в рецензии на издание указал на «неизвинительные ошибки и промахи», «невнимание к поэтике и метрике Лермонтова» [Дурылин, 2014, с. 333] в публикации стихотворения, тем самым наметив текстологическую проблему в изучении настоящего произведения. На стихотворение как предмет текстологического анализа обратил внимание Б. М. Эйхенбаум в связи с подготовкой академического издания стихотворений поэта. Б. М. Эйхенбаум подчеркнул существование нескольких вариантов текста: «Обилие вариантов показывает, что Лермонтов много работал над этой вещью, и особенно над заключительными строками» [Эйхенбаум, 1936, с. 254]. В новом академическом собрании сочинений Лермонтова, помимо дефинитивного текста, были опубликованы и две предварительных редакции анализируемого стихотворения [Лермонтов, 2014,

с. 351, 672—673], однако в комментариях, сопровождающих стихотворение, акцент сделан на изменении элементов стихотворной формы, тогда как их смысловая наполненность осталась за пределами интереса исследователей.

Исследовательский интерес к стихотворению «Они любили друг друга так долго и нежно...» объясняется двумя основными причинами — отточенностью его поэтической формы, далекой от немецкого оригинала, и специфической нравственно-философской проблематикой, развитой ситуацией «не-встречи», связанной с раскрытием темы «одинокости человека, оторванного от другого человека» [Лютман, 1972, с. 77]. Актуальными остаются вопрос своеобразия художественной образности лермонтовского стихотворения и задачи выявления причин, обуславливающих силу его эстетического воздействия на читателя, а также, в первоочередном аспекте, философского смысла текста. Основными задачами предлагаемого исследования являются анализ трансформации поэтического замысла стихотворения и рассмотрение динамической поэтики художественного образа. Методология исследования базируется на практике медленного чтения, герменевтическом и сравнительно-историческом подходах к литературным явлениям, конкретным инструментарием анализа является транскрипция рукописи, текстологический комментарий, сравнение с источником (немецким текстом).

2. Изучение поэтики стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...» в русском литературоведении: историография вопроса

Первый отклик на стихотворение «Они любили друг друга так долго и нежно...» оставил В. Г. Белинский, ошибочно отнесший его в статье «Русская литература в 1843 году» к той части произведений, которые «принадлежат к самой ранней эпохе поэтической деятельности Лермонтова» [Белинский, 1955, с. 73], отметив при этом проявившееся в них мастерство Лермонтова-психолога. В. Г. Белинский, считая эти стихотворения юношески незрелыми, отмечал, что они «замечательны не столько в эстетическом, сколько в психологическом отношении, как факты духовной личности поэта» [Белинский, 1955, с. 73]. В этом вопросе сложно согласиться с критиком, вероятно, увидевшим в стихотворении именно «перепев» Гейне. В 1846 году в «Библиотеке для Чтения» в резком тоне была высказана (вероятно, О. И. Сенковским) критическая оценка увлечением поэзии Гейне: «Стихи à la Heine? <...> Сущность поэзии состоит здесь в том, что бы свести какие-нибудь два предмета, между которыми нет никакого от-

ношения, ни внутреннего, ни внешнего... <...> У нас есть неподражаемые поэты в этом роде. Называть их по именам не стану...» [Библиотека для чтения, 1846, с. 19]. Вероятно, что критик имел в виду и Лермонтова, перевод которого не менее, чем сам гейневский текст, сложен для понимания, поскольку описывает абсурдное сочетание сильного любовного чувства и ситуации «не-встречи», своего рода обманутые ожидания. Осмысление этого видимого парадокса является также одной из ведущих задач настоящего исследования.

В философской критике конца XIX — начала XX веков не раз отмечался интерес Лермонтова к поэзии Гейне, выразившийся в «подражании» [Соловьев, 2002, с. 335] и использовании общеромантических образов, указывалось на «впечатления, какие навевались» творчеством немецкого поэта [Ключевский, 2002, с. 249], однако подчеркивались различия «между спазматической тоской», «скорбным настроением» Гейне и лермонтовским «настроением без притязания осветить мир каким-либо философским или поэтическим светом» [Ключевский, 2002, с. 255]. Акцентируя общий подражательный характер отражения поэзии Гейне в творчестве Лермонтова, философская критика избегала развернутых суждений о стихотворении, не придавая ему должного внимания. В то же время в начале XX века был намечен подход к рассмотрению стихотворений из «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским» как единого лирического цикла, в произведениях выявлялись общие мотивы и влияния. Не отрицая связь общеромантических размышлений Лермонтова и Гейне, исследователи подчеркивают, что стихотворения Гейне не стали объектом переводов, а выступили для Лермонтова отправной точкой для поэтического воплощения сложившейся в конце жизни картины мира поэта. Так, С. А. Андреевский, рассматривая стихотворения из «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским» как цикл, объединенный общим мотивом одухотворения природы, в которой поэт «читал <...> историю сродственных ему страданий», заключил, что «Лермонтов гораздо богаче Гейне» [Андреевский, 2002, с. 301]. Позднее В. Э. Вацуро, высказавший мнение о том, что «Они любили друг друга так долго и нежно...» наряду с другими стихотворениями из лермонтовской тетради «Сон», «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Выхожу один я на дорогу» принадлежит к «циклу стихотворений с мотивом посмертной любви», указал, что во всех этих произведениях мотив «варьирован по-разному, но в том или ином виде он присутствует или намечен» [Вацуро, 2002, с. 725]. Отталкиваясь от произведений Г. Гейне, поэт создает свою художественную систему, характеризующуюся своеобразным пониманием мира,

места и роли человека в нем, выражающую собственное представление о бытии.

Художественные особенности стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...», отличающегося «психологизмом и лирическим субъективизмом» [Максимов, 1964, с. 204], были подчеркнуты Л. Я. Гинзбург, указавшей на особый характер «сюжетности» лермонтовского текста, явившегося «маленькой балладой» или «лирической новеллой» [Гинзбург, 1974, с. 155], а также Р. Ю. Данилевским, который проанализировал динамику трансформации стихового строя произведения, изменения в системе рифмовки по отношению к гейневскому оригиналу [Данилевский, 1981, с. 355]. Художественные достоинства лермонтовского стихотворения были высоко оценены специалистами в области изучения художественного перевода. Так, А. В. Федоровым был выполнен сопоставительный анализ стихотворения Лермонтова с миниатюрой Гейне, позволивший заключить, что относительно немецкого оригинала Лермонтов «последовательно усложняет психологическое содержание своей переделки» [Федоров, 1967, с. 267]. Этот же вектор исследования был успешно продолжен И. П. Ворониной, сопоставившей черновые варианты и беловик лермонтовского произведения со стихотворением Гейне, результатом чего стал вывод о «постепенном освобождении русского поэта из-под влияния оригинала» [Воронина, 2009, с. 714].

Особый интерес вызывала мотивная структура стихотворения. Мотив страдания в качестве центрального был отмечен Д. С. Мережковским, усмотревшим в произведении ярко выраженное автобиографическое начало. Д. С. Мережковский провел параллель между поэтической ситуацией в переведенной Лермонтовым немецкой миниатюре и влюбленностью поэта в В. А. Лопухину, точно отметив при этом трагедию человеческих страданий, воплощенную в сюжете стихотворения: «Она <...> никогда не могла забыть Лермонтова и втайне страдала, так же как он, хотя, по всей вероятности, не сознавала ясно, отчего страдает» [Мережковский, 2002, с. 373]. Н. Я. Берковский, размышляя о мотивной структуре стихотворения и сравнивая лермонтовское стихотворение с оригиналом, отмечал: «Главный мотив Лермонтова — гордость, “гордое страдание”. Герои Гейне боятся, что чувство их выше их самих, герои Лермонтова — что оно способно унижить их, сделать слабыми. Лермонтов перенес скромных героев Гейне на светскую сцену, и это дало другой тип отношений, другую психологию, а также и другую развязку» [Берковский, 1956, с. 10]. Развивая идеи Н. Я. Берковского, Е. Г. Эткинд увидел в уходе Лермонтова от гейневского «нарочито прозаического рас-

сказа, самых будничных слов, контрастирующих с общечеловеческим трагизмом сюжета» «философский смысл» изображения «страсти двух любящих» [Эткинд, 1963, с. 32—33]. И. П. Воронина акцентировала внимание на «непримиримой гордыне обоих героев» [Воронина, 2009, с. 715]. Ю. М. Лотман указал на характерную для творчества Лермонтова поэтическую ситуацию любви «как разрыва» [Лотман, 1972, с. 169]; «невозможность в любви вырваться за грань непонимания создавала рядом с трагической — реальной — любовь идеальную, любовь-стремление» [Лотман, 1972, с. 170]. Е. О. Сычева, напротив, отвергающая присутствующую в стихотворении «земную любовь, страсть», весьма категорично указывает на характерную для всей поэзии Лермонтова любовь «идеальную» [Сычева, 2015, с. 211—212]. С. П. Толкачев и В. А. Луков, не разделяя мнение предшественников о трагической любви как ведущем мотиве стихотворения, указывают на иной акцент, отличающий стихотворение Лермонтова от оригинала Гейне: в произведении выражены «глубоко личные чувства поэта — это была не любовь, а одиночество и предощущение “нового мира”», что и позволяет рассматривать лермонтовское стихотворение не только как вольный перевод, но и «как неотъемлемую часть собственно русской поэзии» [Толкачев и др., 2014, с. 613].

Несмотря на внимание литературоведов к стихотворению «Они любили друг друга так долго и нежно...», до сих пор нет подробного разбора поэтики стихотворения вкупе с анализом его онтологического смысла, не обозначены и механизмы создания цельного художественного образа, что помогло бы уточнить и осмыслить творческую историю текста, включающую в себя несколько редакций.

3. Синописис творческой истории стихотворения

«Книга песен» Г. Гейне была прочитана Лермонтовым во время ареста за дуэль с Э. де Барантом в 1840 году, о чем в своих воспоминаниях свидетельствует А. П. Шан-Гирей [Шан-Гирей, 1989, с. 48]. В 1841 году, с начала года по весну [Эткинд, 1963, с. 26], поэтом был выполнен первый вольный перевод из Гейне — стихотворение «Сосна», затем продолжалась работа над переводом «*Sie liebten sich beide, doch keiner...*». Стихотворение Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» датируется маем-июнем 1841 года по положению в «Записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским».

Беловик стихотворения выполнен остро заточенным гусиным пером коричневыми чернилами на 8 листе с лицевой стороны тетради, ему пред-

шествует перечеркнутый крест-накрест черновик, написанный также остро заточенным гусиным пером коричневыми чернилами на этой же странице. Беловик от черновика отделяет отчерк. Черновой записи предшествует эпиграф — два первых стиха из стихотворения Гейне: «Sie liebten sich beide, doch keiner // Wollt es dem andern gestehn» — и авторская помета «Heine» (Гейне), выделенная двойным подчеркиванием.

Черновик, написанный карандашом, расположен на листе 7 с оборота тетради. В правой нижней части оборота 6 листа рядом с черновиком стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...» имеется вставка карандашом. Черновик содержит многочисленные исправления, выделен сверху и снизу росчерками в виде коротких линий. В правой нижней части содержится рисунок — карандашный профиль неизвестного мужчины (предположительно, Гейне).

Далее приводятся беловик и черновики стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...», отражающие последовательность изменений, сделанных поэтом (табл. 1).

Таблица 1

Беловик и черновики стихотворения М. Ю. Лермонтова
«Они любили друг друга так долго и нежно...»*

№	Беловик	Черновики
1	Они любили друг друга так долго и нѣжно,	Они любили друг друга так нѣжно, (Ч) а. Они любили друг друга так нѣжно, (Ч) б. Они любили друг друга так нѣжно (К)
2	Съ тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!	Съ тоской глубокой и страстью мятежной! (Ч) а. Съ тоской глубокой и страстью мятежной (К) б. Съ тоской глубокой и страстью <нрзбр> (К)
3	Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи а. Но какъ враги всё боялись желаемой встрѣчи	Но какъ враги опасались встрѣчи, (Ч) а. Но какъ враги боялись встрѣчи (Ч) б. Но какъ враги боялись встрѣчи (К) в. Но какъ враги другъ <нрзбр> боялись встрѣчи (К) г. Но другъ на друга враждѣбно (К)
4	И были пусты и хладны ихъ краткіи рѣчи	И были пусты и хладны ихъ речи (Ч) а. И были пусты и хладны ихъ речи (К) б. И были рѣчи ихъ пусты и хладны... (К)

Окончание табл. 1

№	Беловик	Черновики
5	Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданъѣ	Они разстались въ безмолвномъ страданъѣ (Ч) а. Они разстались въ безмолвномъ страданъѣ (К) б. Они разстали и только порою (К)
6	И милый образъ во снѣ лишь порою видали. —	И милый образъ во снѣ лишь видали (Ч) а. И лишь во снѣ другъ друга видали (Ч) б. И только во снѣ другъ друга видали (Ч) в. И только во снѣ другъ друга видали (К) г. Во сне друг друга видали, — когдажь (К) д. Во сне друг друга видали, — но скоро (К)
7	И смерть пришла: наступило за гробомъ свиданъѣ... а. И смерть пришла: имъ настало за гробомъ свиданъѣ...	Но смерть пришла, имъ настало свиданье... (Ч) а. И смерть пришла: за гробом их ожидало свиданье; (Ч) б. Настала смерть им: за гробом их ожидало свиданье; (Ч) в. И смерть настала и с нею свиданье (К) г. И смерть пришла и с нею свиданье (К) д. Настала смерть им и с нею свиданье (К) е. Взяла их смерть... и всё объяснилось в небѣ — (К) ж. И смерть настала встретились в небѣ (К)
8	Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.	И чтожь? другъ друга они не узнали. (Ч) а. Но тамъ другъ друга они не узнали. (Ч) б. Но тамъ другъ друга они не узнали. (К) в. И чтожь! другъ друга они не узнали. (К)

* В таблице представлен беловик и черновики стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...» в старой орфографии, так, как написано в автографах. Цифры слева указывают номер стиха в стихотворении. Буквы слева указывают на последовательность изменений в стихе, счет стихов ведется сверху, в алфавитном порядке представлена последовательность изменений от более поздних вариантов к более ранним, окончательный вариант стиха в беловике или черновике буквой не сопровождается. Буквы, сопровождающие черновые стихи справа, соответствуют двум вариантам черновика — более раннему карандашному (К), написанному с оборота тетради [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.], и написанному чернилами (Ч) в первой части тетради [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]. Хотя почти весь текст черновиков разобран и представлен в транскрипции, но все же осталось несколько неразобранных слов или частей слова. Они отмечены в тексте условным сокращением <нрзбр>.

Приведем также таблицу, содержащую оригинал стихотворения Г. Гейне и его подстрочный перевод (выполнен И. А. Киселевой) (табл. 2).

Таблица 2

Стихотворение Г. Гейне «*Sie liebten sich beide, doch keiner...*»
с подстрочным переводом

Текст на немецком языке [H. Heine, 1879, с. 257]	Подстрочник
Sie liebten sich beide, doch keiner	Они оба любили друг друга, но никто
Wollt' es dem andern gesteh;	Не хотел сознаться в этом другому;
Sie sahen sich an so feindlich,	Они смотрели друг на друга так враждебно,
Und wollten vor Liebe vergehn.	И хотели сгореть от любви.
Sie trennten sich endlich und sahn sich	Наконец они расстались и видели друг друга
Nur noch zuweilen im Traum;	Только иногда во сне;
Sie waren längst gestorben,	Они давно умерли,
Und wußten es selber kaum.	И сами вряд ли знали об этом.

4. Динамическая поэтика стихотворения: от восприятия немецкого текста к оригинальному художественному образу

Если рассматривать стихотворение как перевод строк Гейне, то оно представляет собой миниатюрную зарисовку, реализующую романтическую схему страдания возлюбленных и недостижимости счастья. Используемая Лермонтовым местоименная конструкция *они*, являющаяся аналогом лексемы *sie* из немецкого оригинала, «отражает первичное восприятие, сродственное мыслительному этапу наблюдения» [Поташова, 2015, с. 11], выстраивается «своеобразный экран» [Киселева и др., 2020, с. 139] — та «скелетная часть», которую Лермонтов черпает из источника. Несколько раз повторяющиеся в стихотворении однотипные конструкции (*они любили, они расстались, они не узнали*), «обслуживающиеся местоимением» [Сильман, 1977, с. 40], организуют собой «историю» двух героев, психологизм же углубляется посредством наращивания Лермонтовым переводных строк из оригинала Гейне. Поэт вносит характеристику чувств, в черновике появляется качественное наречие *нежно* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.], в беловике к нему добавляется еще временная характеристика *долго* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8], обе характеристики еще более подчеркиваются усилительной частицей *так* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]. Наметивший сопоставительный подход к анализу этого стихотворе-

ния Б. М. Эйхенбаум писал: «У Гейне нет выражений “так долго и нежно”, “с тоской глубокой и страстью безумно-мятежной”, “безмолвного и гордого страдания”. Вообще, вторые половины Лермонтовских строк не имеют аналогий в оригинале» [Эйхенбаум, 1936, с. 254]. Собственно эмоционально-оценочная составляющая, не занимающая у Гейне сколько-нибудь значимого места, у Лермонтова приобретает «объемность и глубину звучания» [Киселева, 2020, с. 124], что делает стихотворение не переводом, а стихотворением по мотивам Гейне. Единственная качественная характеристика, которую переносит Лермонтов из стихотворения Г. Гейне в свой текст, это наречие *враждебно*, немецкий аналог которого *feindlich* в поэтическом тексте оригинала составляет фокус внешних отношений влюбленных. В черновике Лермонтовым была начата фраза *Но друг на друга враждебно* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.], так же, как и аналог у Гейне, акцентирующая фокус внешних отношений. Затем поэт трижды употребляет на месте *враждебно* словосочетание *боялись встречи* (в третьей редакции *боялися встречи*, в четвертной редакции *боялись встречи* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.]), в пятом варианте черновика приходит к формулировке *опасались встречи* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.]. В первом варианте беловика эта фраза опять претерпевает изменения, приобретает иной вид — *боялись желаемой встречи* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]. Окончательный вариант семантически и формально расширяется, в том числе за счет сближения с оригиналом Гейне, во втором стихе им проводится мысль о признании (*но никто не хотел признаваться в этом другому*): *избегали признанья и встречи* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]. Выбранное в последнем беловом варианте слово *избегали* указывает на внимательное чтение Лермонтовым гейневского оригинала и прекрасное знание немецкого языка. В четвертом, третьем, втором, а также в окончательном варианте черновика и в первом и окончательном варианте беловика для передачи внешних отношений враждебности Лермонтов использует сравнительный оборот *но как враги* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8], посредством чего снижается модальность враждебности отношений и подчеркивается их неискренность.

От черновика к беловику Лермонтов наращивает контраст между испытываемыми чувствами (*с глубокой и страстной тоскою* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.] — в черновике, более эмоционально сильное выражение — *с тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8] — в беловике) и внешним поведением, которое вначале представляется эмоционально (*враждебно*, у Г. Гейне это единственная выраженная в тексте эмоция), а затем ослабляется. Если глагол состояния

бояться связан с эмоцией страха, то в глаголе *опасались* эта связка ослаблена, интенсивность чувства в нем спадает, тогда как в глаголе *избегали*, появившемся в окончательном варианте, подчёркивается именно отсутствие внешнего проявления эмоций, нейтральность поведения, на фоне которой ярче звучат внутренние чувства. Дисгармония внутреннего и внешнего создается посредством поэтики контраста. Поэт противопоставляет не эмоцию эмоциям, а наличие и отсутствие чувства.

Также Лермонтов актуализирует мотив слова, не выполняющего свою изначальную функцию общения-понимания — *были пусты и холодны их краткие речи* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]; отсутствие наполненного речевого взаимодействия оказывается теснейшим образом связанным с внутренней замкнутостью и расставанием (*расстались в безмолвном и гордом страданье* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]). У Гейне мотив слова присутствует менее явно, он только узнается в выражении *gestehn* ‘признаваться’ с буквальным значением «открывать то, что скрыто», то есть по сути подразумевается обнаружение внутреннего состояния — действия, свойственного слову как таковому. Лермонтов разворачивает этот неявный мотив в трех лексемах — *признание, речи, безмолвно* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]; невыполнение словом своих функций здесь — на земле — противопоставляется в черновике полноте понимания в небе — *и все объяснилось в небе* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.]; посредством усиления звучности мотива слова поэт акцентирует отсутствие неискренности выражения чувств как причину страдания на земле, тогда как у Гейне мотив скрыт, он носит «затекстовый» характер.

Эмоционально окрашивает Лермонтов и ситуацию сна. Если Гейне только констатирует его, связывая с мечтаниями лирических героев (*Nur noch zuweilen im Traum* — *Только еще иногда во сне*), то Лермонтов от черновика к беловику усиливает оценочный компонент. Представляемый влюбленным образ характеризуется как *милый* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8].

Шестой стих *И милый образ во сне лишь порою видали* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8] имел шесть предварительных вариантов. Все черновые варианты стиха не имели указания на какое-либо время (оно присутствовало в предыдущем пятом стихе (*Они расстали <сь> и только порою* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.]), создавая ситуацию анжамбемана, когда синтаксическое деление не совпадает с ритмическим. В беловике ритм и синтаксис совпадают, так же как и в гейновском оригинале. Каждый отдельный стих обладает смысловой полнотой. Седьмой стих, связанный с изображением прихода смерти, у Лермонтова претерпевает наибольшие изменения, это говорит о том, что поэт акцентирует свой «духовный опыт» [Киселева, 2019, с. 102]

и ему важно верно передать наиболее точно принципы мироустройства в аспекте перехода человека в мир иной и бытия в нем.

У Гейне пространства за пределами реальной земной жизни нет, кроме сна, который выполняет функцию желаемой, но не реальной действительности. Лермонтов же говорит о загробной жизни, создавая три объемных пространства: мир земной, сон, жизнь после смерти. У Гейне бытие после смерти изображается как небытие — *они давно умерли // и сами едва знали об этом*, то есть звучит не только неуверенность в том, что существует жизнь в мире загробном, но и ирония по отношению как к любовному чувству (своеобразный путь преодоления трагизма, возвышения над ним), так и к духовному бытию. В концовке стихотворения Гейне утверждает «бессмысленность существования», «говоря о безнадежно, бесперспективно любящих, которые так и не заметили, что умерли» [Николаев и др., 2014, с. 91], тогда как Лермонтов в беловике характеризует жизнь *за гробом* как новый мир (*Но в мире новом друг друга они не узнали* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]). Черновик представляет несколько обозначений инобытия — *в небе* (седьмой стих, третий и четвертый вариант черновика), *там* (восьмой стих, второй вариант черновика) [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.]. Это свидетельство того, что поэт размышляет над обозначением того пространства, где происходит встреча (*И смерть пришла: наступило за гробом свиданье* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]), которой у Гейне так и не случается. Жизнь *за гробом* у Лермонтова от черновика к беловику приобретает все большую определенность: от метафорического (стертая метафора) по отношению к загробной жизни обозначения *небо* поэт приходит к местоименному указательному наречия *там*, которое, возможно, восходит к «Эоловой арфе» (1838) В. А. Жуковского, поэтому в сознании его современников оно ассоциировалось с инобытием. Одним из аргументов подобного генезиса является мотив освобождения от страстей, открыто постулируемый в первом стихотворении цикла «Эолова арфа»: *Скорби, рыданье, волненье, // Страсти навеки в твоём засыпают целебном приюте* [Жуковский, 1999, т. II, с. 308]. Так и у Лермонтова пространство *там* не отмечено *страстью безумно-мятежной*, эмоции *там* отсутствуют. В восьмом стихе беловика Лермонтов еще более конкретизирует место встречи — *в мире новом* (редакция с обозначением *мира нового* — это уже пятый вариант работы Лермонтова над восьмым стихом [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 7 об.]). Это словосочетание можно рассматривать как реминисценцию из Евангелия, в котором говорится о реальности мира после смерти: «И увидел я новое небо и новую землю: ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откр. 21:1).

Меняет Лермонтов в сравнении со стихотворением Гейне и описание конца жизни: у Гейне приход смерти есть изменение состояния человека — *sie waren gestorben* (они умерли); у Лермонтова смерть есть действие внешней силы (*смерть пришла* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]), которое влечет за собой закономерную, не зависящую от человеческой воли встречу — *наступило за гробом свиданье* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]. Эта независимость более всего декларируется в последнем варианте беловика (черновик еще имел некую личностную отнесенность, подчеркиваемую присутствием местоимения *им* в восьмом, седьмом, шестом, пятом, втором, первом вариантах стиха; и местоимением *их* в третьем варианте стиха).

Если у Гейне кульминацией текста является расставание (*Sie trennten sich endlich und sah sich // Nur noch zuweilen im Traum. — Наконец они расстались и видели друг друга // Только иногда во сне* [Heine, 1879, с. 257]), то у Лермонтова расставание есть лишь коллизия, а кульминация как точка наивысшего напряжения действия связана со встречей в новом мире (*И смерть пришла: наступило за гробом свиданье* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]) и предшествует, казалось бы, неожиданной развязке: *Но в мире новом друг друга они не узнали* [ОР РНБ, ф. 429, № 12, л. 8]. Эта неожиданность заставляет читателя задаваться вопросом причин «не-встречи». У Гейне также концовка неожиданна, но имеет другой характер — иронического преодоления ситуации, отстранённости, заявленной уже в начале стихотворения местоимением *они*. Гейневский текст не задает вопрос, он констатирует фактическое положение дел. Лермонтовский текст эмоционально насыщен, и даже заимствованная им форма повествования от 3 лица не лишает стихотворение глубоко личностного звучания, интимности переживания любовного чувства. Итогом воздействия стихотворения Лермонтова является появление у читателя вопроса о причине «не-встречи» *там* и природе человеческих отношений *в новом мире*.

5. Выводы

Для Лермонтова именно встреча *за гробом* являет собой предмет особого размышления. Р. Ю. Данилевский смысл финала стихотворения видел в идее о том, что «смерть — вечное и безысходное продолжение земного “страдания”» [Данилевский, 1981, с. 355], то есть речь идет о единстве жизни. Лермонтовский текст проводит мысль о том, что «не-узнавание» есть результат отсутствия искреннего общения в мире земном: небесная жизнь в таком случае рассматривается как продолжение жизни земной в единстве ее внутреннего содержания и внешнего выражения. Смысловая очевидность текста открывается в необходимости прямых отношений

«здесь и сейчас», в отрицании права сокрытия своих истинных чувств по отношению к другому человеку. Лермонтов не только переводит подлинник, акцентируя вольность перевода самим названием, но вступает в диалог с Гейне, в котором заявляет свою мировоззренческую позицию, собственный взгляд на *новый мир* и единство между *там* и *здесь* человеческой жизни. Иронию Гейне русский поэт заменяет видением трагизма невозможности разрешения конфликта в вечности, если он не решается уже на земле. У Лермонтова неспособность жить «здесь и сейчас» настоящей жизнью ведет к невозможности обретения счастья влюбленных в жизни вечной, и именно это придает тексту трагический пафос.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00122 “Textual research and commenting on M. Yu. Lermontov’s autographs from “The Notebook of V. F. Odоеvsky” / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00122 «Текстологическое исследование и комментирование автографов М. Ю. Лермонтова из “Записной книжки В. Ф. Одоевского”».

Источники и принятые сокращения

1. НИОР РНБ — *Научно-исследовательский* отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 265. К. 132. Ед. хр. 1. 2 л. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...», 1841 г.
2. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815—1852 годов / В. А. Жуковский. — Москва : Языки рус. лит., 2000. — 839 с.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1: Стихотворения 1828—1841 / М. Ю. Лермонтов ; ред. И. С. Чистова, В. Е. Багно [и др.]. — Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского дома, 2014. — 778 с.
4. Heine H. Buch der Lieder / von Heinrich Heine. — 45 Auflage. — Hoffmann und Campe, 1879. — 312 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреевский С. А. Лермонтов / С. А. Андреевский // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. — С. 296 — 313.
2. Белинский В. Г. Русская литература в 1843 г. / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 8: Статьи и рецензии. 1843—1845. — Москва : Изд-во АН СССР, 1955. С. 45—100.
3. Берковский Н. Я. «Книга песен» и переводы русских поэтов / Н. Я. Берковский // Гейне Г. Книга Песен : Переводы русских поэтов. — Москва : Гослитиздат, 1956. — С. 3—17.
4. Библиотека для Чтения. — 1846. — Т. LXXVI. Литературная летопись. — С. 1—70.
5. Вацуро В. Э Последняя повесть Лермонтова / В. Э. Вацуро // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. — С. 718—743.

6. *Воронина И. П.* Проблема «точного» поэтического перевода Г. Гейне в лирике М. Ю. Лермонтова / И. П. Воронина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — № 4 (3) — С. 711—717.
7. *Гинзбург Л. Я.* О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград : Советский писатель, 1974. — 320 с.
8. *Данилевский Р. Ю.* «Они любили друг друга так долго и нежно...» / Р. Ю. Данилевский // Лермонтовская энциклопедия — Москва : Советский писатель, 1981. — С. 355.
9. *Дурылин С. Н.* Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика / С. Н. Дурылин // Статьи и исследования 1900—1920 годов. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2014. — С. 302—334.
10. *Киселева И. А.* Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18, № 1. — С. 130—145.
11. *Киселева И. А.* О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) / И. А. Киселева // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 4. — С. 91—106.
12. *Киселева И. А.* «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса / И. А. Киселева // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18, № 1. — С. 111—129.
13. *Ключевский В. О.* Грусть (Памяти М. Ю. Лермонтова) / В. О. Ключевский // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. — С. 248—264.
14. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. — Ленинград : Просвещение, 1972. — 272 с.
15. *Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова / Д. Е. Максимов. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 266 с.
16. *Мережковский Д. С.* М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества / Д. С. Мережковский // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. — С. 350—386.
17. *Николаев Н. И.* К вопросу о точности перевода («Они любили друг друга...» М. Ю. Лермонтова) / Н. И. Николаев, Т. П. Шевцова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 4. — С. 87—92.
18. *Поташова К. А.* Влияние живописи на эстетический идеал русской литературы первой трети XIX века (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / К. А. Поташова. — Москва, 2015. — 22 с.
19. *Сильман Т. И.* Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Ленинград : Советский писатель, 1977. — 223 с.
20. *Соловьев В. С.* Лермонтов / В. С. Соловьев // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. — С. 331—349.
21. *Сычева Е. О.* Религиозный спор в одоевском цикле М. Ю. Лермонтова / Е. О. Сычева // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России : ма-

териалы III Всероссийской научно-практической конференции. — Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2015. — С. 209—213.

22. *Толкачев С. П.* Гейне Христиан Иоганн Генрих / С. П. Толкачев, В. А. Луков // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. — Москва : Индрик, 2014. — С. 612—613.

23. *Федоров А. В.* Лермонтов и литература его времени / А. В. Федоров. — Ленинград : Художественная литература. Ленингр. отделение, 1967. — 363 с.

24. *Шан-Гирей А. П.* М. Ю. Лермонтов / А. П. Шан-Гирей // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 33—55.

25. *Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов М. Ю. Стихотворения, 1836—1841: Варианты и комментарии / Б. М. Эйхенбаум // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 5 т. Т. 2: Стихотворения, 1836—1841. — Москва, Ленинград : Academia, 1936. — С. 159—274.

26. *Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. — Москва, Ленинград : Советский писатель, 1963. — 431 с.

RECONSTRUCTION OF CREATIVE HISTORY OF POEM BY M. YU. LERMONTOV “THEY LOVED EACH OTHER FOR SO LONG AND DEARLY...” (1841) AS A WAY OF UNDERSTANDING THE MEANING OF TEXT¹

© **Irina A. Kiselyova (2020)**, orcid.org/0000-0002-9629-0035, **ResearcherID V-4311-2019**, SPIN 5673-5102, Doctor of Philology, professor, Head of Department, Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University (Moscow, Russia), ia.kiseleva@mgou.ru.

© **Ksenia A. Potashova (2020)**, orcid.org/0000-0002-0164-0371, **ResearcherID Y-9252-2018**, SPIN 7997-0089, Phd in Philology; associate professor; Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University (Moscow, Russia), kseniaslovo@yandex.ru.

© **Ekaterina A. Sechenych (2020)**, orcid.org/0000-0003-0538-8422, **SPIN 2179-2517**, teacher of history and social science, Municipal Educational Institution Secondary School NO. 14 (Sergiev Posad, Russia), ek9099227855@yandex.ru.

Dynamic poetics is analyzed — from draft to clean manuscript — the poem by M. Yu. Lermontov “They loved each other for so long and dearly ...” (1841), which is a free translation of the poem by H. Heine. Based on a comparison of the transcription of clean manuscript and two draft manuscripts of the poem, as well as the source — the German text — Lermontov’s creative process, his work on choosing the exact word and creating an integral artistic image is reconstructed. The article outlines the causes and mechanisms of Lermontov’s textual corrections that help to understand the movement of author’s thought. The process of Lermontov’s work on the text is associated with the emotional saturation of the “skeletal part” of a German source. Based on the textual analysis of the manuscripts of Lermontov’s poem from the “Notebook presented by V. F. Odoysky”, the semantic transformation of the source of the poem is traced, the process of enhancing the tragedy of the text achieved through its openness to eternity is revealed. The relevance of the problem is seen in the need to clarify the originality

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00122 “Textual research and commenting on M. Yu. Lermontov’s autographs from “The Notebook presented by V. F. Odoysky”

of the artistic imagery of Lermontov's poem, to identify the reasons for the strength of its aesthetic impact on the reader, as well as the ontological meaning of the text. The semantic evidence of the text is revealed in the need for direct relations "here and now", in understanding eternal life as a continuation of the mortal life. The novelty of the study has a factual (for the first time the creative process of composing a poem is presented in as much detail as possible) and interpretative in nature, associated with the refinement of Lermontov's worldview.

Key words: M. Yu. Lermontov; "Notebook presented by V. F. Odoevsky"; H. Heine; clean manuscript; draft manuscript; creative laboratory.

MATERIAL RESOURCES

Heine, H. (1879). *Buch der Lieder*. (45 Auflage). Hoffmann und Campe. (In Germ.).

Lermontov, M. Yu. (2014). *Sobraniye sochineniy. Stikhotvoreniya 1828—1841*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Pushkinskogo doma. 4/2. (In Russ.).

NIOR RNB — *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki*. (In Russ.).

Zhukovskiy (2000). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. Stikhotvoreniya 1815—1852 godov*. Moskva: Yazyki rus. lit. 20/2. (In Russ.).

REFERENCES

Andreevskiy, S. A. (2002). Lermontov. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya*. Sankt-Peterburg: RKhGl. 296—313. (In Russ.).

Belinskiy, V. G. (1955). Russkaya literatura v 1843 g. In: *Polnoye sobraniye sochineniy. Statyi i retsenzii. 1843—1845*. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 13/8: 45—100. (In Russ.).

Berkovskiy, N. Ya. (1956). «Kniga pesen» i perevody russkikh poetov. In: *Heine, H. Kniga Pesen: Perevody russkikh poetov*. Moskva: Goslitizdat. 3—17. (In Russ.).

Biblioteka dlya Chteniya. (1846). T. LXXVI. Literaturnaya letopis'. 1—70. (In Russ.).

Danilevskiy, R. Yu. (1981). «Oni lyubili drug druga tak dolgo i nezhdno...». In: *Lermontovskaya entsiklopediya*. Moskva: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).

Durylin, S. N. (2014). Akademicheskii Lermontov i lermontovskaya poetika. In: *Statyi i issledovaniya 1900—1920 godov*. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal. 302—334. (In Russ.).

Etkind, E. G. (1963). *Poeziya i perevod*. Moskva, Leningrad: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).

Eykhenbaum, B. M. (1936). Lermontov M. Yu. Stikhotvoreniya, 1836—1841: Varianty i komentarii. In: *Lermontov M. Yu. Polnoye sobraniye sochineniy. Stikhotvoreniya, 1836—1841*. Moskva, Leningrad: Academia. 5/2: 159—274. (In Russ.).

Fedorov, A. V. (1967). *Lermontov i literatura ego vremeni*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. Leningr. otdeleniye. (In Russ.).

Ginzburg, L. Ya. (1974). *O lirike*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).

Kiselyova, I. A. (2019). O smyslovoy tselnosti definitivnogo teksta poem M. Yu. Lermontova "Demon" (1839). *Problemy istoricheskoy poetiki*, 17 (4): 91—106. (In Russ.).

Kiselyova, I. A. (2020). "Prorok" (1826) A. S. Pushkina i "Prorok" (1841) M. Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 18 (1): 111—129. (In Russ.).

Kiselyova, I. A., Potashova, K. A. (2020). Dinamicheskaya poetika v istorii teksta stikhotvoreniya M. Yu. Lermontova "Son". *Problemy istoricheskoy poetiki*, 18 (1): 130—145. (In Russ.).

- Klyuchevskiy, V. O. (2002). Grust' (Pamyati M. Yu. Lermontova). In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya*. Sankt-Peterburg: RKhGI. 248—264. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1972). *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha*. Leningrad: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Maksimov, D. E. (1964). *Poeziya Lermontova*. Moskva; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Merezhkovskiy, D. S. (2002). M. Yu. Lermontov. Poet sverkhchelovechestva. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya*. Sankt-Peterburg: RKhGI. 350—386. (In Russ.).
- Nikolayev, N. I., Shevtsova, T. P. (2014). K voprosu o tochnosti perevoda («Oni lyubili drug druga...» M. Yu. Lermontova). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, 4: 87—92. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2015). *Vliyaniye zhivopisi na esteticheskyy ideal russkoy literatury pervoy treti XIX veka (A. S. Pushkin i M. Yu. Lermontov): avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Shan-Girey, A. P. (1989). M. Yu. Lermontov. In: *M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 33—55. (In Russ.).
- Silman, T. I. (1977). *Zametki o lirike*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (2002). Lermontov. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya*. Sankt-Peterburg: RKhGI. 331—349. (In Russ.).
- Sycheva, E. O. (2015). Religioznyy spor v odoevskom tsikle M. Yu. Lermontova. In: *Slavyanskaya pismennost' i kultura kak faktor edineniya narodov Rossii*. Vladikavkaz: Izd-vo Severo-Osetinskogo gos. un-ta im. K. L. Khetagurova. 209—213. (In Russ.).
- Tolkachov, S. P., Lukov, V. A. (2014). Heine Christian Johann Heinrich. In: *M. Yu. Lermontov. Entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Indrik. 612—613. (In Russ.).
- Vatsuro, V. E. (2002). Poslednyaya povest' Lermontova. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya*. Sankt-Peterburg: RKhGI. 718—743. (In Russ.).
- Voronina, I. P. (2009). Problema «tochnogo» poeticheskogo perevoda G. Heine v lirike M. Yu. Lermontova. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 4 (3): 711—717. (In Russ.).